

Такое единообразие в деталях есть несомненное свидетельство единообразия в целом, вытекающего из единства определенного участка словообразовательной системы языка.

* * *

Изложенное выше может быть сведено к нескольким основным положениям:

а) синтаксический, или точнее — семантико-синтаксический подход к словообразованию требует вскрытия в конкретном языковом материале тех структурных формул, которые отражали бы номинационное содержание словопроизводственного акта. Словообразовательный тип мыслится при этом не как «единица классификации» (термин, получивший известное распространение), а как репродуцируемая формула построения (формирования) слов, единица конструктивная, функциональная;

б) из такого понимания словообразовательного типа вытекает признание принципиальной изоморфности порождения простых и сложных слов, аффиксации и основосложения в частности, поскольку и те слова и другие создаются сцеплением компонентов, один из которых передает родовой, классифицирующий признак обозначаемых реалий, а другой — их видовой, конкретизирующий признак; это, естественно, не снимает вторичных — семантического и морфологического плана — различий между соответствующими способами словопроизводства.

Факт изоморфности разных проявлений словообразовательного процесса является предпосылкой для понимания общей системности словообразования;

в) внутриязыковой основой системности словообразования в ее конкретном выражении является реально существующее в языке и осознаваемое его носителями функциональное единство определенных словообразовательных типов, которое обнаруживается как явлениями нейтрализации частных особенностей типов, так и корреспондированием их структурно-семантических свойств.

Так называемая «синонимия словообразовательных типов» не исчерпывает сути дела, даже если она не сводится к вариативному оформлению каких-либо определенных слов; не синонимия (разных) типов, а единство, блок словообразовательных типов, выступающих как элементы некоторой системы, связанных взаимной статической и динамической корреляцией, — в этом суть. Системность же внутри блока словообразовательных типов покоится на наличии и действии в языке более общей словообразовательной формулы, отвлекающейся от использования тех или иных конкретных словообразовательных средств (а также от второстепенных, се-

мантических, стилистических и т. п. особенностей), — архитипа.

Без введения понятий «архитип» и «блок словообразовательных типов» вскрыть языковую системность словообразования невозможно.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Академическая грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка. АН СССР. 1970.

Опыт... — Опыт областного великорусского словаря, II отд. Академии наук, 1847.

Словарь Даля — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 2-е.

Словарь АН (1847) — Словарь церковнославянского и русского языка, II отд. Академии наук, 1847.

Словарь АН (1895) — Словарь русского языка, II отд. Академии наук, 1895.

Словарь Ожегова — Словарь русского языка, сост. С. И. Ожегов, изд. 10-е.

Словарь Срезневского — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка.

Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова.

Словарь Фасмера — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. АН СССР. в 17 томах.

МАС — Словарь русского языка, АН СССР, в 4 томах.

ВС — газета «Вечерний Свердловск».

Зв. — пермская областная газета «Звезда».

ЗР — журнал «За рубежом».

ЗС — журнал «Знание — сила».

Изв. — газета «Известия».

КП — газета «Комсомольская правда».

ЛГ — «Литературная газета».

НЖ — журнал «Наука и жизнь».

Нед. — «Неделя», приложение к «Известиям».

Пр. — газета «Правда».

СЖ — газета «Сельская жизнь».

СР — газета «Советская Россия».

ТМ — журнал «Техника — молодежи».

ЦТ — передача Центрального телевидения.

А. И. Кузнецова

Московский университет

МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ ДИАХРОНИИ

В последние годы лингвисты-дериватологи достигли достаточно высокой степени единодушия в понимании различий словообразовательного и морфемного анализов. Так, задачу словообразовательного анализа видят в установлении факта непроевности или произвности анализируемой основы. В последнем случае выясняется, «какая основа является про-

изводящей по отношению к изучаемой и с помощью какого словообразовательного средства и каким способом она произведена»¹. Целью же морфемного анализа является установление состава слова, т. е. выяснение того, из каких морфем слово состоит, как именно оно построено. Считается далее², что в пределах словообразовательного анализа можно выделить синхронный и диахронный подход. Синхронное словообразование изучает отношение сосуществующих единиц, а диахронное — процессы превращения одних единиц в другие. Результаты синхронного словообразовательного анализа не зависят от знания или незнания фактов истории языка.

Иначе обстоит дело с морфемным анализом. Слово хранит в себе, накапливая в своем составе, элементы прошлых эпох, которые нередко бывает трудно вычленил прежде всего в связи с выпадением из системы языка отдельных звеньев. Например, в прилагательном *горделивый* легко выделить сейчас корень *город-*, после вычленения которого остается суффикс *-елив-*, аномальный для современной суффиксальной системы русского языка. По аналогии со словами типа *бодливый, сонливый, гадливый* и др. в последовательности *-елив-* можно выделить суффикс *-лив-*. В результате получаем следующее строение слова: *горд-е-лив-ый*, где морф *-е-* (иногда такого рода морфы называют субморфами) с современной точки зрения незначим и необъясним, хотя и является сравнительно легко вычленимым. Однако в древности в русском языке был глагол *гордети* 'гордиться' (наряду с *вордигися*; ср. также отглагольное существительное *гордение*), от которого позднее и образовалось прилагательное *горделивый*. Обращение к истории подтверждает правильность (но ни в коем случае не является исходным условием!) проведенного анализа (в отличие от другого членения, также возможного с синхронной точки зрения, но не подтвержденного фактами языка, — членения на *-ел-* и *-ив-*. Ср.: *тяжел-енн-ый, мет-ел-ист-ый*, с одной стороны, и *спес-ив-ый, крас-ив-ый, игр-ив-ый*, с другой стороны).

В качестве другого примера можно привести прилагательное *большевистский*, в котором в настоящее время лишь по аналогии с другими словами (*коммунист, социалист, отзовист*) суффиксальную последовательность *-истск-* можно разделить на суффиксы *-ист-* и *-ск-*, хотя еще в начале XX века бытовало существительное *большевиств*³, подтверждающее правильность такого членения.

¹ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., «Просвещение», 1973, § 7, с. 11.

² Там же, § 2, с. 6.

³ См. упоминание об этом в книге Д. Уорда (D. Ward. The Russian Language Today. System and Anomaly. London, 1965, p. 129), а также при-

Иногда промежуточное звено, не сохранившееся в современном русском литературном языке и помогающее вычленил в современных словах не только суффиксы, но и корни, можно найти в говорах и просторечье. Возьмем, например, слова *постромки, назойливый* и *подоплека*. Ориентируясь на инвентарь морфем современного русского языка, установленный на основе бесспорных случаев членения слов, а также используя членение по аналогии, можно разделить взятые слова на следующие морфемы: *по-стром-к-и, на-зой-лив-ый, под-о-плек-а* (или *подо-плек-а*). Такое членение, безусловно, правильно с точки зрения системы префиксов и суффиксов современного русского языка. Но как доказать правильность такого членения для корней, которые ни в свободном, ни в связанном виде не существуют больше ни в каком другом окружении в современном литературном языке? Обращение к разговорной речи, диалектам и просторечию позволяет найти все три корня. Так, существуют диалектные глаголы *встроить* (южн.) «воткнуть, вставить во что-либо тычком», *зойтись* (арх.) «беситься, шалить», прилагательное *зойливый* «надоедливый, навязчивый», существительный *зой* «шум, крик, визг», *зой* «упорный, настойчивый человек, назойливый», просторечные и диалектные *оплека, наплека* и *оплече*, с четко осознаваемым чередованием к/ч, «знак, отметина на плече» (ср. по говорам: *подоплека, подоплечье* «подкладка у крестьянской рубахи от плеч по спине и груди до пояса»). Последний пример (*подоплека*) наглядно показывает, как с помощью морфемного анализа можно проникнуть во внутреннюю форму слова.

Морфемная структура слова долгие, чем его смысловая сторона и даже, может быть, чем его фонетический облик, хранит в себе следы истории языка. Эти следы нельзя обнаружить лишь в тех случаях, когда изменился фонетический облик слова, утратился какой-либо звук или, наоборот, появился новый элемент. Например, нельзя выделять в словах типа *облечь, облако, обладать, обитель, обнять* и под. префикс *об-*, поскольку в ходе истории корни в этих словах утратили начальный *в* и, таким образом, глагол *облечь* нельзя уже сейчас соотносить с корнем *влечь* и т. д. В слове *возопить* по той же причине морфемный состав определяется как *возоп-и-ть*, а не *воз-/в/оп-и-ть*, как должно быть исторически. Результаты морфемного анализа расходятся с историческими данными и в таких словах, как *иждивенец, возжелеть*: ст.-сл. *иждидити* вместо *изжити* послужило основой для образования форм *иждивение, иждивенец*; ст.-сл. *въждьлети* вместо *въз-жьлети*, т. е. «воз-желать», дало форму *вожде-леть*.

мер из книги М. Касвинова «23 ступени вниз»: «Ее спаситель — незабываемый благородный юноша Чайковский, прежде «большевиств»... («Звезда», 1973, № 10, с. 184—185).

Точно так же в слове *встретить* с современной точки зрения при морфемном анализе мы выделим корень *встрет-*, не соотнося этого глагола со словами *сретение*, *обретать*, в которых до сих пор без изменения сохранился корень *рет-*, полученный при морфемном анализе в результате выделения в них регулярных аффиксов *с-*, *-ени-*, *об-*, и *-а-ть*. Правда, можно считать, что в слове *встретить* представлен корень *рет-* и аномальный префикс *вст-*, подобно тому, как в слове *нутро* следует выделить префикс (субморф) *н-* и корень *утр-* (ср. *утроба*, *внутри*), а в слове *разнузданный* — корень *уз-* и префикс *раз-*. Воспользовавшись членением по аналогии, получим дальнейшее разделение префиксов *вст-* и *раз-* на последовательности *вс-т-* и *раз-н*, в которых *вс-* и *раз-* — регулярные префиксы русского языка, отвечающие всей системе префиксов русского языка, а элементы *-т-* и *-н-* — нерегулярные, единичные, незначимые элементы слова. Пример с членением глагола *встретить* говорит о возможности эквивалентного членения⁴, когда равнодопустимы два или даже три варианта членения слова (ср.: *морд-ашк-а* и *морд-аш-к-а*; *па-я-ль-щик* и *па-я-льщик*; *сирен-ев-ат-ый*, *сирен-еват-ый*, *роз-ов-ат-ый* и *роз-оват-ый*). В двух последних примерах с точки зрения словообразования иногда находят так называемое наложение морфем⁵, т. е. *-оват- = -ов- + -оват-*, *-еват- = -ев- + -еват-*. Эквивалентные решения чаще всего возможны при членении суффиксальных последовательностей, что зависит от направленности смысловых связей слов, как в примерах с *розоватый*, *сиреневатый* (см. ниже).

Во всех рассмотренных случаях происходит так называемое опрощение, вызванное изменением фонетического облика слова. С точки зрения морфемного анализа опрощение всегда происходит лишь в силу фонетических причин, тогда как с точки зрения словообразовательного анализа причиной опрощения являются прежде всего семантические изменения. В качестве примеров опрощения часто приводят существительные *вкус*, *природа*, *забыть*, *урод*, *петух*, *живот* и под., хотя основа ни одного из них с точки зрения морфемного анализа не подверглась опрощению, но содержит префикс и корень, как в словах *в-кус-Ø*, *при-род-а*, *у-род-Ø*, *за-бы-ть*, или корень и суффикс, как в словах *пе-т-ух-Ø* или *пе-тух-Ø* (эквивалентные членения), *жи-в-от-Ø*.

Расхождение результатов членения с историческими данными при морфемном анализе может возникнуть под влиянием изменения орфографии слова. Так, прилагательное *полоумный* — сложное слово с корнями *пол-* (соотносимый с *полый*)

⁴ См. Ch. Hockett. Problems of Morphemic Analysis «Language», 1947, v. 23, N 4.

⁵ Земская Е. А. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке. ВЯ, 1964, № 2, с. 84—88.

и *ум-*. При старом написании (*полуумный*) первый корень воспринимался как родственный корню в слове *половина*, а зафиксированное в памятниках XIV—XV вв. еще более старое написание *палаумънъ* позволило Е. Коршу говорить о корне *пал-* (палый ум, т. е. низкий) и о заимствовании из ср.-греч. *παλαμηνος*⁶. В других случаях изменяется членение постфикса. Например, в слове *поленика* «травянистое растение семейства розоцветных» сейчас можно выделить нерегулярный суффикс *-еник-*. Старое написание слова (*поляника*) позволяло соотносить его с существительным *поляна* и выделять, следовательно, два суффикса — *-ян-* и *-ик-*. Выяснение того, как реально возникло данное слово (от *поле* или *поляна*), входит в задачи словообразовательного, а не морфемного анализа, хотя при описании морфемной структуры слова (особенно в случае неизменной орфографии) следует учитывать словообразовательный анализ и делать оговорки о возможности другого членения (аналогичный пример: *крупеник* вместо устаревшего *крупяник*, ср. прилагательное *крупяной*).

Словообразовательный анализ практически не зависит от морфемного анализа и не нуждается в его помощи. При морфемном анализе, наоборот, полезно (хотя и не обязательно) учитывать связанность обоих аспектов анализа языка — процессуального и стационарного, словообразовательного и морфемного. При установлении морфемного состава многих слов возможны, как мы видели на примере глагола *встретить*, двойственные решения, зависящие от того, как исследователь трактует направленность смысловых связей данного слова. Например, слова *выемчатый*, *ворсинчатый*, *бугорчатый*, *ложбинчатый* и под. в равной мере могут быть соотнесены со словами *выем* и *выемка*, *ворсина* и *ворсинка*, *бугор* и *бугорок*, *ложбина* и *ложбинка*. Соответственно суффиксы в них будут либо *-чат-*, либо *-ч-ат-* (ср. *бурав-чат-ый*, *узор-чат-ый* с суффиксом *-чат-* и *бородатый*, *полосатый* с суффиксом *-ат-*, как и в слове *хлопч-ат-ый*). В то же время в прилагательном *опойчатый*, несмотря на наличие в языке слов *опой* и *опоек*, решение может быть только одно, а именно: в слове *опойчатый* необходимо выделять два суффикса — *-ч-*, чередующийся с *-ек-*, и *-ат-*, так как *опойчатый* значит «сделанный из опойка, т. е. из шкуры молочного теленка», тогда как *опой* означает «действие или состояние по значению глагола *опойть* и *опиться*», и *опойчатый*, следовательно, от него произведено быть не может. Последний пример говорит и о том, что во время морфемного анализа при членении суффиксальной последовательности на отдельные суффиксы, семантический кри-

⁶ Виноградов В. В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. ВЯ, № 1, с. 3—22.

терий используется в большей степени, чем при отделении корня от постфикса в целом. Отметим также, что в то время, как словообразовательный анализ тесно связан с семантикой слова, без учета которой словообразовательный анализ вообще нельзя проводить, при морфемном анализе семантический критерий должен использоваться 1) эвристически, как источник догадок о связи рассматриваемых корней⁷, 2) в той мере функции, в какой при морфемном анализе необходим учет анализа словообразовательного, ориентированного на смысловые связи слова.

Для словообразовательного анализа важно, чтобы словообразующие элементы были значимы, незначимые морфы выступают как «стройматериал, морфные прокладки» и т. п. При морфемном анализе, когда речь идет именно о том, как устроено слово, из чего оно состоит, а не что значит каждый элемент, морфами являются в равной мере и значимые, и незначимые элементы (за последними, возможно, целесообразно закрепить термин субморф). Так, в современном русском языке при морфемном анализе в основе прилагательного *белобрысый* можно бесспорно выделить корень *бел-*. Дальнейший анализ может дать двоякий результат: 1) *-обрыс-* — постфикс, нерегулярный, аномальный, каких в русском языке немало; 2) *-о-* — соединительный гласный (субморф) и *-брыс-* — второй корень. Более разумным представляется второй вариант членения, так как это 1) соответствует типичной структуре сложных слов русского языка, 2) не противоречит историческому, этимологическому анализу: *брыс-* — от праславянского *brъ, brъve* «бровь» + возможная контаминация с *белорусый*⁸. Но в таком случае надо признать, что даже корень с современной точки зрения может быть незначимым, а это приводит в явное противоречие с традиционным определением морфемы как минимальной значимой части слова (возможно, «значимость» морфемы следует понимать не только в плане вещественно-понятийном, как это принято для корней или некоторых аффиксов, и не только в плане грамматическом, как для реляционных и деривационных морфем, но и в плане чисто функциональном, т. е. в плане того, какое место в структуре слова занимает данная морфема, будь то корень или аффикс; какую структурную нагрузку она несет).

Значения корня и аффикса можно определять, только зная

⁷ Более подробно об этом см.: А. И. Кузнецова. Роль семантического фактора при морфологическом членении слов русского языка. «Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии». Пермь, 1972, с. 254—258.

⁸ В данном примере, если быть последовательными до конца, можно, исходя из значения слова *белобрысый* «человек с белыми волосами и бровями», сопоставить *брыс-* и *бров-* и тогда придется признать, что корень в этих элементах *бр-*, что, как известно, не противоречит этимологии.

значения слов, в которых встречается данная морфема. Это сделать сравнительно легко в случае, если корень функционирует как самостоятельная основа слова. Значение корня определяется по одному из значений слова, стоящего, как правило, в центре гнезда родственных слов. Например, значение слова *круп* в БС (17-томном словаре современного русского литературного языка АН СССР) определяется как 1) «продукт питания, состоящий из очищенных и лущенных хлебных зерен», и 2) «снег в виде мелких шарообразных зерен». Значение корня *круп-* в таких словах, как *крупница*, *крупинка*, *крупитчатый*, *крупчатка*, можно передать как «имеющий отношение к продукту питания, состоящему из зерен» (второе значение слова *круп* не принимается во внимание), но значение корня *круп-* в словах *крупный*, *укрупнение*, *крупноплодный* и др. придется передавать как «большой по величине» (у слова *крупный* в БС указаны три значения), хотя морфологически это тот же самый корень. При словообразовательном анализе здесь следует говорить, видимо, о двух корнях: *круп-* и *крупн-* (ср. также омонимичные корни: *круп-* «болезнь» и *круп-* «задняя часть туловища лошади»). Таким образом, безотносительно к словам значение корня сформулировать нельзя.

Особенно убедительно свидетельствуют об этом омонимичные и связанные корни. Определить значения корней невозможно, если не знать значений слов, в которых они реализованы. Так, в словах *птица*, *птенец*, *пташка*, *птичий* — связанный корень *пт-*, самостоятельно (без суффиксов) в настоящее время в языке не употребляющийся, и потому трудно определяемый в своем значении, тогда как в древнерусском языке этот корень был свободным, поскольку существовало корневое существительное *пта* «птица». Аналогичные примеры: корни *зид-*, *зд-*, *зод-* в словах *созидать*, *создать*, *зодчий* (ср. др.-р. *зѣдъ* «глина»); корень *кол-* в словах *колесо*, *коля*, *коловорот*, *колобродить*, определение значения которого затруднено еще и наличием в языке омонимичного корня *кол-* «палка с заостренным концом» (ср. др.-р. и диалектное *коло* «круг, дуга, колесо»); корень *скор-* в словах *скорняк*, *скорлупа* (др.-р. и диал. *скора* «шкура, мех») и омонимичный корень *скор-* в слове *скорый* и т. д.

Как уже было сказано, определение значения корня происходит по одному из значений одного из основных слов словообразовательного гнезда. Выбор такого значения происходит интуитивно, что хорошо видно из переводов значений русских корней на другие языки.

Так, в работе Ч. Гриббла «Russian Root List»⁹ значение

⁹ Ch. E. Gribble. Russian Root List. With a Sketch of Word Formation. Cambridge, 1973, 55 p.

корня *круп-* переводится только как «large, huge», а значения омонимичных корней *кос*¹ — как «cut, mow» (*кос*¹), «sloped/slanting, squinting» (*кос*²), «touch» (*кос*³).

Значения связанных корней в указанной работе также формулируются через какое-либо значение одного из слов гнезда, например, корень *пт-* определяется как «fly», корень *ём-* «take», *им-* «have, possess, hold take» и т. д. Аллоформы *бер-*, *бир-*, *бр-* имеют отсылки на корень *бр-*. Определение значения корня анализируемого слова играет роль лишь приблизительного ориентира в отнесении слова к тому или иному гнезду родственных слов.

Наличие в составе даже исконно русских слов незначимого или трудно определяемого корня (в силу связанности корня или существования корневой омонимии) убеждает нас в том, что при анализе иностранных слов, заимствованных русским языком, также могут встречаться незначимые для русского языка корни, правильность их выделения и особенно сведения в гнезда надо проверять по словарям языка-источника. Например, в слове *аксельбант* легко вычленяется корень *бант-*, но семантически необъясним с точки зрения носителя русского языка первый элемент *аксель-*, означающий в немецком языке «плечо» (Achsel). В существительном *банкрот* (в старом написании *банкрут*, ср. франц. *banqueroute*), наоборот, четко воспринимается как известная первая часть *банк-*, а неизвестная — вторая *-рот*, которая в итальянском языке (*rotto*) означает «сломанный», и т. д. Незначимыми с точки зрения русского языка могут быть и оба элемента, как в рядах *баскет-бол*, *волей-бол*, *фут-бол*; *ана-биоз*, *ана-круза*, *ана-фора*, *ана-хронизм* и др. Существование рядов параллельных образований облегчает выделение таких незначимых корней, в том числе и связанных, например, в существительном *анархизм* можно выделить морфемы *ан-* (ср. *анемия*, *анестезия*, *анаколуп* и пр.), *арх-* (ср. *патриарх*, *монарх*) и *-изм*.

Если возможны незначимые корни, то тем более не следует удивляться, что при морфемном анализе мы сталкиваемся с незначимыми аффиксами, как, например, в словах *рис-унок-Ø* (ср. *прорись*), *кол-яск-а* (ср. *дву-колка*, *колесо*), *дур-ынд-а* (ср. *дура*, *дурак*), *сби-ход-н-ый*, *обы-ден-н-ый*, *реди-слов-щик-Ø* и др. Указать значения таких суффиксов и префиксов можно лишь весьма условно, приблизительно, исходя опять-таки из значений самих слов. Историю появления в русском языке таких морфем в слове можно выяснить¹⁰,

¹⁰ См., напр., о суффиксе *-унок-* в книге Н. М. Шанского «Очерки по русскому словообразованию». М., Изд. МГУ, 1968, с. 35—36. О префиксах *оби-*, *обы-* см. статью В. И. Чернышева «О некоторых русских префиксах и предлогах». «Язык и мышление», 1948, с. 376—394.

хотя часто и с трудом, но это дело скорее словообразовательного, чем морфемного анализа.

Приведенные соображения о специфических особенностях морфемного анализа имеют прямое отношение к задаче составления приобретших в последнее время большую актуальность словарей морфем, фиксирующих морфемный инвентарь языка.